

БОЛЬШОМУ художнику-творцу нельзя спустить список задач, вытекающих из государственных постановлений или речей авторитетных руководителей. Большой художник сам знает, чем ему заняться в жизни. О нем заботится Провидение. Поскольку я себя к большим художникам не причисляю, и у Провидения сегодня дел, как никогда, много, задачи такие для себя сформулировал сам. Вытекающие из нашей многотрудной действительности.

Первое. Вести послынный, ну пусть даже малозаметный, но все-таки вклад в мучительную проблему национальных отношений. Естественно, не на словах — на деле, т. е. на сцене московского Ленкома. Есть для этого хорошая пьеса Гр. Горина. Название невеселое: «Поминальная молитва». Оба слова сегодня как нельзя кстати. Хочется о многом помолиться, хочется многих помянуть. Жаль, что не умею.

На объективность суждений никак не претендую, но, кажется мне, содружество наций, живущих на территории нашей державы, должно обрести какую-то новую правовую, экономическую и интернациональную основу. Излюбленный нами термин «дружба народов» иногда напоминает средневековое ритуальное заклинание. Рискую вызвать сильное раздражение, но пишу, как думаю, — необходимо, по-моему, принципиально иное, возможно, рискованное, но целебные идеи радикальной децентрализации, помноженные вместе с тем на новые принципы культурно-экономического содружества народов, — некоего нового принципа объединенных наций. Советских. Я бы не погнушался тщательнее исследовать структуру ООН.

Все это дьявольски сложные задачи. Самое лучшее — переложить решение этих проблем на плечи наших внуков. Придет время — подрастут, возьмутся, поумнеют — разберутся. Но похоже, что не удастся отложить это даже до государственного возмужания сыновей. Решать национальные проблемы придется нынешнему поколению общественных и государственных мужей.

Главное — ликвидировать привилегию наших республиканских органов всегда и во всем апеллировать к Центру. Умно, постепенно и целенаправленно разрушать этот условный рефлекс, что, дескать, все вопросы и сомнения должны всегда разрешать Москва и лучше всего — сам Генеральный секретарь.

Недавно принято временное решение по Карабаху. Поскольку никто не скрывает, что оно временное, — думаю, что эту наисложнейшую проблему не торопясь должны решить окончательно только две республики, два народа — Армения и Азербайджан. Возможно, с помощью тех, кого они сами призывают в советники или посредники. Только не надо бояться затяжных переговоров. Иногда они полезны. Извините за безапелляционный, режиссерский тон, но пусть обе республики со временем сформируют представительные делегации для переговоров на нейтральной территории и еженедельно кратко информируют общественность СССР о своей работе. Пусть ежемесячно отчитываются подробным коммюнике, даже если не продвинутся ни на йоту. Пусть на первых порах их встречи будут напоминать вьетовские международные переговоры о перемирии или спорных границах. Рано или поздно оба талантливых народа, имеющие общих детей, поймут необходимость встречных компромиссных акций, равно как и необхо-

димость обуздания коррумпированных подстрекателей. И пусть они сами пройдут все трудности в создании конструктивных соглашений и вообще познают тяготы мирных диалогов, а не демонстраций перед Москвой своей взаимной непримиримости. У меня даже есть надежда, что оба народа догадуются, что никто в мире не может в одностороннем порядке пересматривать границы. Есть такие понятия, как национальная гордость, суверенитет, государственное достоинство, республиканская честь и т. д.

Вторая задача, которую я себе определил, — всемерно содействовать ликвидации социальной напряженности, которая, увы, имеет место в нашем

жесте (и с этим трудно спорить), что к плохой работе промышленности примешивается еще какая-то рука или руки, которые очень умело усиливают количество отрицательных эмоций, одновременно создавая, иногда искусственно, тот самый дефицит, который для некоторых лиц является источником власти и экономического преуспеяния. Это подозрение о намеренном усугублении общественной ситуации складывается на некоторых исторических примерах, когда командный аппарат в прошлом усиливал или, наоборот, резко снижал отрицательные эмоции потребителя. В период отстранения Хрущева от власти — я это хорошо помню — на не-

кие кооператоры залезали в долги, брали ссуды, закупили необходимое оборудование, но потом получили неожиданный и весьма ощутимый удар в виде постановления Совета Министров СССР. Называлось постановление красиво — «О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов...» и начиналось талантливо — с наркотиков и огнестрельного оружия.

По-моему, в аппаратных антиперестроечных сферах выявились очень неглупые и энергичные люди новой генерации. Они поняли, какая опасность им грозит, например, в случае, когда кооперативные цены опустятся ниже государственных.

Раковая клетка, как выяснили ученые, — очень сложный, само-

регулирующийся механизм, который ведет к гибели всего организма в целом, приносит и себя в жертву, но динамика раковых образований вместе с тем мудро сбалансирована, жидется на прочных законах развития и самосовершенствования. Отдельные аппаратные структуры, созданные при Сталине, не пострадали от его разоблачения, а как бы провели и успешно проводят саморегулирующиеся акции достаточной серьезности. Многие неглупые люди отлично разобрались в обстановке и справедливо заключили, что не могут конкурировать в будущем с «цивилизованными кооператорами». Для мгновенного удешевления, однако, момент упущен. Стратегия меняется, и тотчас разрабатываются разнообразные тактические приемы, включая тот, что сильно смахивает на узаконенный «бюрократический ракет» — объединение одряхлевшего государственного механизма с кооперативной интенсивностью. Насильственный синтез товарного мышления с командно-административными образованиями. При таком насильственном слиянии понятно, кто победит.

Противников надо уважать. Ограничение в кооперативной деятельности — крупная победа антиперестроечных сил. Она вызов, по моему мнению, сложную и печальную цепную реакцию, включая утечку умов и талантов. Незримые нити психологических и экономических связей потянутся отсюда и к армянскому подраду, и другим сферам перестройки, включая совместные предприятия. Даже театральная экономика тотчас отреагировала на постановление от 29.XII.88. Люди, готовые были с радостью уйти на пенсию, согласно новому благоприятному для них законоположению Союза театральных деятелей РСФСР вдруг заволоновались и передумали. «Ваше пенсионное обеспечение, — сказали мне пожилые артисты, — могут с таким же успехом прихлопнуть те самые деятели, кто так успешно повел борьбу с кооперативами». Людям, которые поверили в незыблемость принятого ранее закона, в изощренно завуалированной форме дано понять: государству в лице некоторых могущественных инстанций верить пока что не стоит. Как говорил Салтыков-Щедрин: «Надо говорить». Жаль, но дальше некуда.

Точка зрения

Апрель, 1989, 2 февр., с. 3.

СОВЕТЫ НЕПОСТОРОННЕГО

Марк ЗАХАРОВ

Отечестве. Несмотря на радостные, подчас счастливые перестроечные изменения, меня не покидает ощущение какой-то новой волны сопротивления, несколько иного, более изощренного и потому опасного качества. Может быть, потому, что в последние времена запахло радикальными изменениями. (Некоторые антиперестроечные структуры, по-моему, перестроились быстрее в выгоду для себя направлении, чем те силы, что причисляют себя к перестроечным).

В этой связи меня интересуют все и всяческие мнения в разных социальных группах нашего общества. Я общаюсь и люблю общаться с разными людьми. Даже от дураков получаю удовольствие. Суждения теперь у всех разные, а труднее одна: не всегда могу определить качественную и количественную значимость услышанного. Серьезные социологические исследования на талкуются у нас на видимые и невидимые барьеры. Ученый-социолог, как и историк, еще не имеет той свободы, которой располагают нынешние писатели или режиссеры (у нас цензура почти отсутствует, особенно в больших городах). Но у ученого-обществоведа могут возникнуть серьезные трудности, если он, например, захочет рассмотреть В. И. Ленина как объект исторической науки. Если он или группа ученых, как и положено в серьезной науке, начнут разрабатывать различные идеи по поводу тех или иных периодов ленинского творчества.

Но, размышляя о социальном напряжении, я все-таки хочу сказать о другом. О тех так называемых «простых» людях, которых подчас можно обозвать и обывателями. У них, я думаю, порой возникает ощущение, что наше высшее партийное руководство, скажем так, лидер партии и государства кем-то умыленно «подставляется» под волну отрицательных эмоций.

Люди разного культурного уровня хорошо уяснили сейчас, что созданная Сталиным и Брежневым командно-административная система имеет устойчивую тенденцию к деградации, но не настолько глубокой, чтобы люди, населяющие отдельные регионы страны, вдруг сразу могли лишиться соли, спичек и мыла. Многим ка-

сколько дней в Москве пропасть такие товары, отсутствие которых вызвало повышенное раздражение. Но когда было объявлено об избрании нового генсека, в магазинах Москвы на несколько дней резко улучшился ассортимент. Ненадолго, но улучшился. Возможно, очень наивный, примитивный ход, но он входил в арсенал средств сталинско-брежневской политики. Очень интересно: отправлен ли он в запасы или остался в арсенале нынешнего аппаратного вооружения?

МОЕ РЕЖИССЕРСКОЕ ремесло состоит сплошь из моделирования несуществующих в реальной жизни сценических ситуаций. Я очень часто вместе с артистами представляю себе, «что было бы, если бы...». Так вот, если бы я был одним из активных антиперестроечников, и скажем, вместе с Н. Андреевой и ей подобными входил в штаб антиперестроечных сил — если бы таковой существовал и имел точный почтовый адрес, — я дал бы антиперестроечному руководству несколько очень дельных советов.

Первое. В резкой форме отчитал бы тех, кто так топорно и грубо вынес решение об ограничении в подписание. Гласности надо подавлять, глушить, но более тонкими и малозаметными для широкой общественности средствами. Они существуют в аппаратном арсенале, надо только хорошенько подумать и припомнить. Будь я антиперестроечником, я бы советовал впрямь совершать антиперестроечные акции более изощренно, завуалированно и даже элегантно.

Так, например, опираясь на определенное, свойственное всем нам экономическое невежество и широко бытующие настроения, я бы посоветовал нанести резкий и неожиданный удар по кооперативному движению. Первая робкая волна кооперативного содействия, многообещающее движение к ленинским цивилизованным кооператорам» выявили наряду с жуликами (которые есть и были везде, кое-кто даже на XIX партконференции просочился) некоторое количество деспотических и предпринимчивых людей. Эти люди, в том числе кинематографисты, пошли на определенный экономический риск, который вообще характерен для здорового товарного производства и социалистического рынка. Мно-

не меняют, ничему не угрожают.

Интересно, что сумеют сделать люди противоположных взглядов, заинтересованные в радикальных изменениях? Очень хочется верить в возможность смелых государственных поступков, которые привели бы к образованию у нас прочных экономических механизмов, не уступающих современным капиталистическим.

И хочется верить, что мы откажемся от ретивости невежественных энтузиастов, которые любое дело способны скопрометировать шумихой, рвением поперек смысла и всякое полезное начинание быстро доведут до абсурда. Разве не на наших глазах борьба с алкоголизмом приняла дикарские формы — корчевали виноградники, бросили лозунг в два года победить и забыть социальный недуг.

Если совсем откровенно — убежден в том, что в некоторых организационных и экономических сферах было бы очень полезно всем нам отказаться от звания «первопроходцев», умерить свою собственную гордыню и воспользоваться в ряде случаев достижениями современной земной цивилизации.

Марк ЗАХАРОВ

Я присутствовал в зале заседаний ООН, когда там прозвучал поразивший меня по смелости и глубине тезис «о деидеологизации международных отношений». Может быть, самое время отказаться от некоторых внутренних доктрин, символизировавших нашу верность тем традициям, которые давно пора поменять в силу их естественной клинической смерти? Это не про-

тиворечит основам диалектического материализма. Может быть, лучше стать первопроходцами в науке, технике, искусстве, литературе и, между прочим, в политике? Последнее, кажется, начинает удаваться. Все-таки. Спасибо тем, кто поменял здесь представления о наших возможностях и нашей мобильности.

Я МНОГОЕ понял, изучая выступления нашего лидера и новой генерации советских публицистов, однако остались проблемы, которые так и не удается освоить. Есть количественные образования, которые не поддаются под общий знаменатель. Наша гигантская держава со всем ее региональным разнообразием не может пользоваться одними и теми же инструкциями, рекомендациями, постановлениями и, возможно, законами. Так же и партия. Если она переливает за определенный количественный рубеж (мысль моя, это — Ленин), возникает определенная напряженность и организационные трудности, которыми, как известно, пренебрег Сталин, доведя численность партии до гигантских размеров. Тут он прав. Так ему было удобнее.

Я знаю, что есть слова, понятия, которые всеядно в нас изначально суеверный ужас, например, «эксплуатация человека человеком». (Что это, собственно, такое в условиях развитого индустриального общества с обилием социальных и правовых гарантий — объяснить крайне сложно).

Я думаю, что кое-что в прошлой пролетарской терминологии, рожденной на заре нынешнего столетия, пора бы поменять. Как человек достаточно осторожный, я бы, скажем, не хотел пользоваться словом «фракция» и вместе с тем твердо убежден: внутри партии должны быть различия в стратегическом и тактическом творчестве.

Я не могу относиться ко всем людям одинаково — возможно, это издержки демократии, которой я пытаюсь научиться. По моему самоощущению продвигается с трудом. Огрубляя и упрощая проблему, я бы хотел делать так: выбирать главу государства и доверять ему право формировать штаб государственного руководства по его собственному вкусу и усмотрению (на то время, пока он глава).

Но если все крупные партийные руководители идут к избирателям в общем списке — тут я должен знать какие-то нюансы в позициях и подходах, во всем творческом, политическом и идеологическом разнообразии.

Понимаю, что принципы нынешних выборов в Верховный Совет разработаны и приняты. Но, может быть, не будем их рассматривать как окончательные и исторически неизменные? Может быть, и дальше будем заниматься тем, чем начали в 1985 году, — думать?

Вообще если я узнаю и изучу некоторые естественные позиционные различия и даже дискуссии среди членов Политбюро, мое уважение к этим людям не уменьшится, а возрастет.

Точно так же я бы хотел отнестись к спорам в среде творческой интеллигенции. Они, по моему, неизбежны. Да, несмотря на то, что творческая интеллигенция всегда была очень нервной и даже неуравновешенной, диалог и любая полемика должны быть здесь корректными, отвечать принципам цивилизованного правового государства и таким, почти вымершим понятиям, как личное достоинство, порядочность, честь.

Что делать, коррупция, деградация — деловая, творческая,

партийная и просто человеческая — коснулись не только бывших членов Политбюро, даже некоторых прославленных «вождей» — время изуродовало и режиссеров, писателей, художников, общественных деятелей. И наша печать, что является феноменом перестройки, обязана касаться проблем нравственности, вскрывать, а не затушевывать отдельные разногласия в среде творческого содействия.

Так было всегда. Были в русской литературе залезший в долги Пушкин и преуспевающий Бунгарин, сверхпопулярный Надсон и умерший от дистрофии Блок, Некрасов и Кукушкин, бросающийся почти на баррикады Чернышевский и уравновешенный Тютчев, и никто от них не требовал обязательного производственно-группового объединения, чтобы работали всегда одной артелью. Есть такие личностные проявления и недостатки, что затрудняют даже совместный полет двух отличных космонавтов.

Поэтому — о недостатках. Прежде всего о собственных. Слишком часто посещает чувство зависти. Например, извистовался, когда присутствовал в одном провинциальном городке США на концерте современной классической музыки. Слушатель — тьма-тьмущая, и в основном одна молодежь. После концерта, который был выслушан с редким вниманием (точнее, сопереживанием) и завершился сверхпродолжительными аплодисментами, молодежь, та, с которой я общался, в большом количестве отправилась в дискотеку дергаться под бас-гитару. Я пошел в отель, завидую: «Вот он, проклятый плюрализм!» Для них дискуссия: «Кто лучше (полезнее) — Суриков или Кандинский?» невозможна. Она покажется им глупой, бессмысленной, а я хочу от всего получить утилитарно-осязаемую пользу, как от снов Веры Павловны. (Чернышевский? «Что делать?»).

И последнее — очень личное. (Тоже недостаток). Гостивший у нас по приглашению СТД СССР западноберлинский режиссер Петер Штайн со столь поразившим меня удивительным спектаклем «Три сестры» Чехова рассказал: на сцене среди декораций и достояние русского дизайна висит маленький портрет А. П. Чехова. Зритель его обычно не замечает. Так захотели западноберлинские артисты, потому что перед началом спектакля они подходят к целую изображение Антона Павловича.

Поразмыслив, я признался П. Штайну, что у меня нет такого немца, изображение которого я бы хотел поцеловать перед выходом на сцену. П. Штайн замялся и не обиделся. Он меня понял. А я в себе разочаровался. Ехал домой и думал. Я, воспитанный Сталиным, твердо знал: самураев надо убивать, басмачей окружать, а всех негров искренне любить, потому что они негры. Потом я совсем огорчился, потому что вспомнил, что был в моей недавней жизни момент, когда я симпатизировал одним только армянам. Они мне были ближе, чем азербайджанцы, и дороже.

Теперь я симпатизирую и тем, и другим в равной степени. У меня нет другого выхода. Но я сознаю, что свободен в этих своих симпатиях. Моя свобода есть осознанная необходимость. Эту фразу, которая, говорят, принадлежит Спинозе, я вычитал у Гегеля, — сам бы не придумал. Повешу его портрет в театре, на сцене. Может быть, со временем некоторые артисты захотят его поцеловать. Мне пока трудно, но буду тоже стремиться.